

Оглавление

Введение. Соотношение внешних и внутренних факторов в формировании и развитии кризисных явлений в России (<i>А.Н. Шохин</i>).....	6
Раздел I. Факторы развития кризисных явлений и государственные механизмы поддержки бизнеса в условиях кризиса	11
Глава 1. Социально-политические аспекты экономического кризиса и режима санкций в России (<i>Л.В. Поляков</i>).....	13
Глава 2. Импортозамещение как инструмент экономического развития: возможности и ограничения (<i>Д.А. Пумпянский</i>).....	23
Глава 3. Вопросы оказания государственной поддержки проектам импортозамещения (<i>А.В. Данилов-Данильян</i>).....	38
Глава 4. Механизмы и источники финансирования проектов российских компаний по направлению импортозамещения и развития экспортного потенциала (<i>И.А. Вдовин</i>).....	46
Глава 5. Эффективность институтов и механизмов поддержки малых и средних предприятий в условиях кризиса (<i>С.Р. Борисов</i>).....	59
Глава 6. Соотношение федеральных и региональных антикризисных программ (<i>В.С. Груздев</i>).....	70
Глава 7. ИТ-сфера в России сегодня: кризисные вызовы и пути их преодоления (<i>М.В. Юргелас</i>).....	78

Раздел II. Нормативно-правовые документы и правовое регулирование в период кризиса	87
Глава 8. Роль бизнеса в формировании и экспертизе стратегических документов и антикризисных программ в России (<i>М.Н. Глухова</i>)	89
Глава 9. Развитие правового регулирования финансового оздоровления и банкротства в условиях экономического кризиса (<i>А.В. Варварин</i>)	97
Глава 10. Влияние бизнеса на динамику правового регулирования хозяйственной деятельности в условиях кризиса (<i>И.В. Котелевская</i>)	115
Раздел III. Иностранные субъекты и международные аспекты функционирования российской экономики	135
Глава 11. Особенности взаимодействия бизнеса и власти в рамках многосторонних международных институтов (на примере «Группы двадцати» и БРИКС) (<i>М.В. Ларионова, М.Р. Рахмангулов</i>)	137
Глава 12. Привлечение иностранных инвестиций в Россию и роль Ассоциации европейского бизнеса (<i>Филипп Пегорье</i>)	161
Глава 13. Роль Франко-российской торгово-промышленной палаты в минимизации последствий кризиса и режима санкций (<i>П.Н. Шинский</i>)	176
Раздел IV. Поведение хозяйствующих субъектов в период кризиса	183
Глава 14. Политическое позиционирование бизнеса в период трансформационного кризиса конца XX в. в России (<i>А.Н. Шохин, А.А. Прохорова</i>)	185
Глава 15. Роль бизнес-ассоциаций в антикризисной политике: опыт российского страхового сектора (<i>И.Ю. Юргенс, А.Л. Евдокимович</i>)	208

Глава 16. Поддержка банковского сектора как фактор преодоления кризисных явлений (<i>П.О. Авен, В.Б. Сенин</i>)	220
Раздел V. Социальные аспекты современного кризиса	235
Глава 17. Минимизация последствий кризиса в сфере занятости и социально-трудовых отношений: роль механизмов социального партнерства (<i>М.В. Москвина, И.И. Недобой</i>)	237
Глава 18. Когнитивный капитализм: современные вызовы и решения (<i>В.Н. Кириллина</i>)	254
Заключение. 2016 год — есть основания для оптимизма (<i>А.Н. Шохин</i>)	267
Сведения об авторах	270

Соотношение внешних и внутренних факторов в формировании и развитии кризисных явлений в России

Уважаемые читатели!

Перед вами третья коллективная монография, подготовленная кафедрой теории и практики взаимодействия бизнеса и власти Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» и объединенная общей темой «Бизнес и власть в России».

Книга составлена на основе материалов общеуниверситетского факультатива «GR в современной России: теория и практика». В нее вошли теоретические изыскания и практические наработки профессорско-преподавательского состава кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти, материалы мастер-классов представителей бизнес-сообщества и органов государственной власти.

Данную монографию можно рассматривать как попытку приближения к пониманию того, как через повышение эффективности взаимодействия бизнеса и власти ускорить выход из кризиса и обеспечить возобновление экономического роста с учетом сложного баланса внутренних и внешних факторов, определяющих ситуацию в экономике России.

Мы уверены, что диалог бизнеса и власти — это необходимый инструмент по преодолению негативных трендов в экономике, а его главной задачей остается радикальное улучшение деловой среды и делового климата. Нельзя, добившись того или иного решения Правительства, ждать, что оно будет выполнено при любых условиях и в полном объеме, если, конечно, речь не идет о решении, ухудшающем инвестиционный климат.

В то же время можно констатировать, что формируется совершенно иная модель участия государства в экономике и распределения ролей между государством и бизнесом, нежели та, что сложилась в предыдущий период. Сняты «табу» на понятия «промышленная политика», «импортозамещение» и проч. И в этих условиях нужно «держатъ руку на пульсе»,

поддерживать постоянный диалог, иначе того результата, на который рассчитывает бизнес, можно не получить.

Книга посвящена ключевым аспектам улучшения деловой среды через диалог бизнеса и власти: повышению эффективности государственных закупок, правовым механизмам регулирования хозяйствующих субъектов, вопросам бизнес-образования, реализации политики импортозамещения, анализу социально-политических аспектов кризиса, а также антикризисных программ и стратегий бизнес-субъектов разных отраслей в кризисный период.

Особое внимание авторами уделено вопросам самоорганизации бизнеса, роли бизнес-ассоциаций и переходу к более эффективным механизмам надзора и контроля, в том числе через делегирование государством саморегулируемым организациям части надзорно-контрольных функций.

Нынешняя ситуация в экономике России, безусловно, исключительная. Принципиальное отличие этого кризиса от предыдущего заключается в том, что негативные внутренние и внешние факторы сочетаются наиболее неблагоприятным для экономики образом.

Безусловно, проблемы в экономике страны начали нарастать еще до введения санкций. Их основными факторами были сырьевая структура экономики и слишком медленное улучшение качества деловой среды. Уже в 2013 г. произошло замедление темпов роста экономики. В 2014 г. они оказались в пределах статистической погрешности, а инвестиции в основной капитал вообще «ушли в минус».

Необходимость изменения экономической модели, проведения структурных реформ, кардинального улучшения делового климата в стране, решения многих застарелых проблем (от нехватки квалифицированных кадров до административных барьеров) всегда осознавалась, но прогресс с реализацией этих реформ был недостаточен. Результат очевиден — быстрое «сваливание» сначала в стагнацию, а затем и в кризис.

Медленно идет реформа системы контроля-надзора. Реформа этой системы, как и радикальное улучшение ситуации с таможенным администрированием не требуют огромных расходов, но эффективны для экономики. Пока же процедуры осуществления полномочий, виды и формы контроля закреплены в основном в многочисленных подзаконных нормативно-правовых актах. Мы убеждены в необходимости установления моратория на введение новых обязательных административных требований. Следует нормативно закрепить унифицированные процедуры любого государственного контроля. Надо решить и задачу снятия устаревших требований, особенно содержащихся в нормативных актах СССР и РСФСР.

Позже к внутренним причинам добавились внешние факторы — снижение темпов роста мировой экономики, геополитическая напряженность, санкции, низкие цены на нефть и другие товары российского сырьевого экспорта, нестабильная ситуация в экономике Китая, вызывающая риски падения спроса на основные товары российского экспорта. Президент России В.В. Путин во время XIX Петербургского международного экономического форума в июне 2015 г. отметил: «Ситуация, в которой сейчас развивается мировая, да и российская экономика, изменилась, причем по некоторым направлениям изменилась серьезно. Мы, имею в виду Россию, ограничены в доступе на мировой рынок капиталов; к этому нужно добавить падение цен на наши основные экспортные товары»¹.

Санкции стали лишь дополнительным фактором, который усугубил ситуацию прежде всего по двум направлениям — недоступность более дешевого и «длинного» западного финансирования и ограничение доступа к современным технологиям. Причем если сразу после введения санкций 100% компаний говорили о рисках, связанных с ограничением доступа к оборудованию и технологиям (согласно опросу РСПП), то осенью 2015 г. эта проблема беспокоила менее 10% компаний. Бизнес сумел найти альтернативные решения.

Однако в части финансирования такого решения найти не удалось. Стоимость кредитов высока, доступа к западным рынкам капитала нет. При поддержке бизнес-сообщества удалось повысить эффективность институтов развития. Но любой, даже самый востребованный, институт — это точечное решение: в рамках проектного финансирования и Фонда развития промышленности в 2015 г. поддержка была предоставлена менее чем сотне компаний.

Неопределенности в экономической сфере добавляет сокращение горизонта планирования и возврат в 2016 г. к однолетнему бюджету. Переход на краткосрочное бюджетное планирование повышает требования к среднесрочным и долгосрочным стратегическим документам, но на практике этого пока не удалось добиться.

В отношении многих зафиксированных на 2016 г. «антикризисных» решений, ухудшающих деловой климат, нет уверенности, что не будет сделана попытка продлить сроки их действия. Позиция бизнес-сообщества — на 2017 г. не должно быть продлено ни одно из решений, принятых на кризисный 2016 г. и увеличивающих нагрузку на бизнес или создающих риски для экономики.

¹ Стенограмма пленарного заседания XIX Петербургского международного экономического форума. 19 июня 2015 г.

Много говорится о новой модели экономического развития страны, но даже ее разработчики открыто признают противоречия между вектором движения и мерами, которые они намерены предложить, и тем сценарием развития событий, который данные эксперты считают наиболее вероятным. Большинство дискуссий по-прежнему сосредоточены вокруг двух вопросов — как собрать с нефтяного сектора дополнительные средства в бюджет, причем без сокращения объемов добычи, и что будет с ценами на нефть.

Сроки подготовки долгосрочной стратегии социально-экономического развития были перенесены на 2017 г. вместо февраля 2016 г., а срок подготовки долгосрочного макроэкономического прогноза остается не ясен. В результате даже подготовленные стратегические документы (проекты Энергетической стратегии России до 2035 года и Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года) оказались уязвимы из-за неопределенности стратегических трендов социально-экономического развития страны.

Один из ключевых среднесрочных документов — проект плана мероприятий по реализации Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года — вызвал серьезные возражения со стороны предпринимательского сообщества в первую очередь из-за банального отсутствия в нем мероприятий по реализации значительной части положений Основных направлений. Подобный подход ведет к тому, что нередко тактические решения принимаются без оглядки на стратегические последствия. Органы власти выбирают простые, а не эффективные решения для лечения застарелых проблем.

Крайне негативным сигналом является тот факт, что накопительный компонент пенсионной системы вместо источника средств для развития уже второй год подряд становится источником затыкания «бюджетных дыр» с риском закрепления данной практики на постоянной основе. В свою очередь, приватизация воспринимается лишь как способ покрытия небольшой части бюджетного дефицита — около 30 млрд руб. в 2016 г.

При этом снижение доли государства в экономике и запуск масштабной приватизации, даже в условиях низких цен на активы, являются ключевой частью эффективной политики по развитию конкуренции и в целом экономического роста. Госкомпании также не должны безосновательно наращивать свою долю в экономике. Любая покупка ими частного актива должна быть возможна только после решения ФАС России.

Есть вопросы к качеству судебной системы и незавершенности реформы третейского разбирательства, в рамках которой необходимо обес-

печить единообразный статус и равные условия деятельности для всех третейских судов на территории Российской Федерации.

Если говорить о бизнесе, необходимо поддерживать тех, кто готов развиваться, повышать конкурентоспособность, производить продукцию с высокой добавленной стоимостью, не только встраиваться в глобальные цепочки добавленной стоимости, но и формировать их.

Как показывают опросы РСПП, существует значимая группа компаний, ориентированных на развитие, а не на выживание. Они не просто «режут кости», но и сохраняют или даже увеличивают инвестиционные программы, реализуют программы по повышению энергоэффективности, увеличивают объемы производства, любой ценой сохраняют дефицитный персонал. Именно они имеют больше возможностей для посткризисного рывка.

Стоит признать, что в последние несколько лет немалые усилия государства были направлены на создание новых механизмов и институтов для бизнеса, таких как институт проектного финансирования, территории опережающего развития, поддержка инжиниринга, региональные инвестиционные проекты, специальные инвестиционные контракты, Фонд развития промышленности, Корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства, Российский экспортный центр, инструменты промышленной политики на федеральном и региональном уровне, государственно-частное партнерство в его новом, расширенном понимании и многих других, при создании которых бизнес активно привлекался к диалогу, хотя и не всегда его мнение учитывалось. Правоприменение следует наполнить конкретным содержанием, проектами и решениями.

Будущее покажет, станут ли эти механизмы «живыми», наполнятся ли конкретным конкурентоспособным содержанием, и кто сыграет ведущую роль в создании нового облика экономики России через 10–15 лет — бизнес или все же государство. Мы надеемся, что данная книга поможет приблизиться к пониманию оптимального баланса роли бизнеса и государства в процессе создания условий для будущего экономического рывка России.

Раздел I

Факторы развития кризисных явлений и государственные механизмы поддержки бизнеса в условиях кризиса

Социально-политические аспекты экономического кризиса и режима санкций в России

Как известно, президент США Барак Обама в своем очередном послании американской нации в январе 2015 г. объявил о том, что «экономика России разорвана в клочья». При этом он имел в виду, что к этому привели политически мотивированные экономические санкции (секторальные, территориальные и персональные), введенные «Западным блоком» (США, ЕС, англосаксонский ареал, Япония) против России как ответ на воссоединение Крыма и Севастополя с исторической Родиной и гуманитарную поддержку ДНР и ЛНР в их противостоянии с захватившими власть в Киеве радикальными националистами. Спустя год степень преувеличения, допущенная американским президентом вполне очевидна. Российская экономика продолжает существовать, хотя и сократившись на 3,8% в объеме ВВП. Но этот результат обусловлен в значительной степени не столько санкциями, сколько радикальным обвалом нефтяных цен за истекший год. Хотя некоторые эксперты и это последнее обстоятельство зачисляют в разряд санкций, не без некоторых оснований полагая, что так называемый рынок нефти на самом деле целиком подчинен манипуляциям американской стороны.

За прошедший год существенным образом поменялась и внешне-политическая конъюнктура в результате активного включения России в реальную борьбу против ИГИЛ. Действия российских воздушно-космических сил обозначили коренной перелом во всей этой антитеррористической кампании, по существу вынудив «западную коалицию» снять вопрос о немедленном уходе Асада из актуальной повестки и сосредоточиться на задаче военного поражения ИГИЛ.

Так же оказалась замороженной военная фаза противостояния на Юго-Востоке Украины. Россия строго придерживается всех пунктов Минских договоренностей, продолжая при этом осуществлять гуманитарную поддержку населения ДНР и ЛНР. Очевидно, что все ключевые

решения по ситуации теперь на стороне Киева, действия (а точнее — бездействие) которого очевидным образом демонстрируют фактический саботаж Минска-2.

Однако на этом, изменившемся за год, внешнеполитическом фоне политика санкций против России не только не отменена, но продолжает действовать. И при этом то из Вашингтона, то из Брюсселя, то из Лондона раздаются призывы эти санкции не только продлить, но еще и ужесточить.

Последнее означает лишь то, что изначальная цель всей затеи с экономической блокадой и дипломатической изоляцией России по-прежнему остается в западной повестке дня, а именно: отказ России от самостоятельного внешнеполитического курса как минимум и смена политического режима как максимум. Экономика в рамках этой стратегии рассматривается как ключевая сфера и базовый инструмент реализации. По замыслу ее авторов, «разорванная в клочья» российская экономика должна запустить двусторонний и взаимообусловленный процесс элитной и массовой дестабилизации. Санкции против так называемого ближнего круга президента Владимира Путина должны подготовить условия для реализации «дворцового переворота». В свою очередь, резкое падение жизненного уровня того российского большинства, которое принято называть «путинским», должно вызвать массовые уличные протесты.

Таким образом, перед нами сценарий Российского «Февраля 1917 года», расчет на который кажется тем более зловещим, что ситуация *de facto* мировой «войны» (получившей название «гибридной») повторилась в 2014 г. ровно 100 лет спустя с почти идентичным сюжетом-триггером. Только в первом случае Россия не могла не выступить на защиту «православных братьев»-сербов на далеких (особенно по тем временам) Балканах, а в марте 2014 г. — на защиту «русских» в пограничном Крыму и Донбассе. Зная исход первого случая, стоит задуматься над тем, что может помешать реализации «февральского сценария» при сохранении (или даже усилении) в ближайший год санкционного давления на Россию. И с учетом прихода в январе 2017 г. нового президента США, который, весьма вероятно, может оказаться еще более антироссийским.

Разумеется, в первую очередь приходится заниматься конкретным подсчетом наших активов, которые помогут в обозначенной перспективе удержать социальную сферу от скатывания в глубокий кризис. Объем золотовалютных резервов Банка России, который на 1 января 2016 г. составлял 368,399 млрд долл. США, позволяет надеяться на то, что и в случае дальнейшего падения цен на нефть даже ниже отметки в 20 долл. США за бар-

рель, прибегать к отмене плавающего курса рубля и возвращаться к жесткому регулированию движения капитала вряд ли понадобится.

По итогам 2015 г. наш ВВП сократился на 3,8%, хотя при переходе на новую методику расчета (включение вмененной аренды и государственных оборонных расходов) этот показатель может быть в пределах 3,3–3,4%. Номинальные зарплаты выросли на 4,6%, но реально располагаемые доходы упали на 9,5%. Соответственно оборот розничной торговли сократился на 10%, а промышленный выпуск — на 3,4%. Бюджет на этот год принят с дефицитом в 3% ВВП и нуждается в сокращении на 10%.

Резервный фонд аккумулировал на декабрь 2015 г. 3,64 трлн руб., а Фонд национального благосостояния — 5,23 трлн. Однако как предупредил министр финансов А.Г. Силуанов, уже в течение этого года все эти накопления без мер жесткой экономии могут оказаться «проедены» (весь Резервный фонд и та часть ФНБ, которая не инвестируется в инфраструктурные проекты).

Трудности очевидны, можно надеяться, что при снижении инфляции и удержании курса национальной валюты на текущем уровне социальная сфера (выплаты бюджетникам и неработающим пенсионерам с индексацией) России в годовой перспективе способна пережить внешние санкционные воздействия без чувствительного снижения жизненных стандартов значимого большинства населения. И соответственно, без смены вектора поддержки внешнеполитического курса. Во всяком случае, именно об этом свидетельствуют результаты опроса на тему «Санкции и анти-санкции», проведенного социологами Левада-Центра в июне 2015 г. Хотя в целом 33% респондентов признали, что западные санкции создали для них и их семей «очень серьезные» и «довольно серьезные» проблемы, 70% опрошенных посчитали, что Россия должна «продолжать свою политику, невзирая на санкции».

Но разумеется, этого «первого контура» стратегии, если угодно, «национальной обороны» совершенно недостаточно в более длительной перспективе. И потому необходимо со всей серьезностью отнестись к поставленной президентом Владимиром Путиным задаче перевода российской экономики на интенсивное развитие посредством *системного импортозамещения*¹.

Первая фаза ее реализации, выразившаяся в так называемых контрсанкциях, создала у некоторых аналитиков впечатление скоропре-

¹ На тему необходимости импортозамещения ФОМ провел опрос россиян 15 сентября 2015 г. По его результатам 46% твердо высказались за такую необходимость, а 45% согласились, что товары некоторых категорий не нужно замещать отечественными.

ходящей пропагандистско-политической кампании. Однако на самом деле речь идет не о запрете на ввоз иностранной продовольственной продукции вообще. А во-первых, о переориентации на иные рынки поставщиков. И во-вторых, что на порядок важнее, о стимулировании производителей на собственном рынке сельхозпродукции. В конечном счете под стратегией импортозамещения нужно понимать ту самую, давным-давно всеми чаемую «диверсификацию» российской экономики и слезание с «нефтяной иглы», — что как-то не получалось в «тучные годы», но становится условием не просто выживания страны в условиях санкционной блокады, но вывода ее экономики на уровень глобальной конкурентоспособности. Ясное понимание именно такой задачи было четко выражено ректором Российской академии государственной службы и народного хозяйства В.А. Мау в формуле «экспортно ориентированного импортозамещения».

Насколько реалистичны перспективы достижения этой цели? Для полноценного ответа на поставленный вопрос необходимо рассмотрение российской ситуации как минимум в трех аспектах.

Во-первых, с точки зрения состояния глобального рынка разделения труда, и возможностей для России обретения новых экспортных ниш, помимо уже имеющихся (в основном — рынок углеводородов, металлов и вооружений). Вроде бы членство в ВТО дает некоторые гарантии свободной конкуренции, однако в реальности возникают проблемы даже там, где экономическое присутствие России уже давно свершившийся факт. Достаточно вспомнить ситуацию с «Газпромом», деятельность которого на европейском рынке пытаются существенно затруднить так называемым третьим энергопакетом. Или историю с «Южным потоком», строительство которого было заблокировано Евросоюзом по очевидно политическим причинам.

Во-вторых, необходимо попытаться определить собственные возможности российской экономики по переходу на новый качественный уровень — наращиванию объемов продукции высокого передела. В этом случае наиболее распространенным подходом является увязывание таких возможностей с созданием благоприятного инвестиционного климата, который, как предполагается, напрямую связан с состоянием институциональной среды для предпринимательской деятельности. Имеется в виду наличие соответствующей законодательной базы, качество государственного и муниципального администрирования, адекватное состояние правовой сферы (судебной системы и правоохранительных органов). И поскольку к качеству этих институтов имеются серьезные претензии, конкретно выражающиеся в позиции России в различных международных рейтингах

(Freedom House, Transparency International, тройка ведущих рейтинговых агентств и проч.), то делается вывод, что возможность экономического роста напрямую зависит от «политической либерализации».

Данный тезис на первый взгляд выглядит вполне логично, но при этом содержит ряд моментов, нуждающихся в дополнительном обсуждении. Стоит вспомнить, что одной из «аксиом» гайдаровских экономических реформ являлось утверждение автономии экономики от политики. Именно следование этому принципу в крайне неблагоприятной политической среде позволило в 1990-е годы осуществить базовую программу реформирования прежней советской экономики: либерализацию цен, финансовую стабилизацию, приватизацию государственной собственности.

Сама по себе прямо пропорциональная зависимость между политическим дизайном либеральной демократии и экономическим ростом — скорее гипотеза, нежели неопровержимый факт. Примеры Сингапура, Чили и Китая свидетельствуют о том, что устойчивый экономический успех возможен и вне зоны распространения либеральной демократии. И даже, наоборот, — в условиях довольно жестких авторитарных режимов².

Отсюда — это третий аспект поставленной задачи — следует, что возможности экономического роста имеют нелинейную детерминацию и зависят не только от состояния политико-правовой среды, но и от ценностно-институционального базиса этой самой среды. И в конечном счете — от морально-волевого настроения и готовности данной нации отвечать на глобальные вызовы. Краткий анализ именно этого аспекта и будет предложен ниже.

Институты как структуры или механизмы общественного устройства, управляющие поведением социальных групп в данном сообществе, — это продукт исторической эволюции. Они не являются результатом сознательного решения индивидов, но закрепляются как наиболее полезные и эффективные для коллективного взаимодействия навыки и практики.

Передаваясь от поколения к поколению, институционализируясь, эти навыки и практики, с одной стороны, трансформируются в нормы и правила для конкретных форм социального взаимодействия. А с другой

² Кстати, число россиян, считающих, что демократия в России пока не утвердилось, уменьшилось за полтора года с 32 до 19%. Таковы результаты опроса «Левада-Центра». Заодно существенно выросло число тех, кто считает, что демократия в России есть. При этом с сентября 2014 г. с 55 до 46% уменьшилось число сторонников «особой» демократии, и выросло число тех, кто хочет демократию, как в Европе и США (с 13 до 16%) или как в СССР (с 16 до 19%). <<http://www.levada.ru/2016/01/14/demokratiya-osobogotipa/>>.

стороны, постепенно получают ценностное измерение, превращаясь в фундаментальные моральные основания общественного порядка. Они становятся тем, что для данного общества является в прямом смысле бесценным, т.е. тем, что не продается и не обменивается ни на что. В них усматривается ценность не только «прошлого» — наследия, завещанного предками, но и «вечного» — того, что должно оставаться неизменным.

Если исходить из факта культурного плюрализма (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и С. Хантингтон), но в то же время не отрицать гипотезу фундаментального единства человеческого рода, можно попытаться выделить набор ценностных «универсалий», которые возникли в результате процесса институционализации базовых общечеловеческих практик. К числу таких «универсалий»/ценностей можно отнести: *справедливость, совесть, семью и родину*. По всей видимости, именно эти четыре универсалии составляют ценностную основу любого социального порядка. И следовательно, они же профилируют базовые общественные институты.

Универсалия «справедливость» отсылает к «государству» как набору властных институтов, от функционирования которых зависит восприятие обществом наличного порядка. Распад СССР был не только крупнейшей геополитической катастрофой XX в., но и крушением института государственности как такового. Именно поэтому в современном российском общественном сознании закрепилась устойчивая антитеза «лихие девяностые — путинские нулевые». Первые два президентских срока Владимира Путина по большому счету ушли именно на то, чтобы вернуть «государство» в качестве институционального воплощения ценности «справедливости» в сферу морального самосознания россиян. Стояла задача перевести формулы статей Конституции РФ 1993 г. в конкретные управленческо-правовые практики, в некоторых случаях потребовавшие поддержки в виде параконституционных институтов (федеральных округов, Государственного совета, Общественной палаты).

На основе институционально реставрированной и реабилитированной ценности справедливости в дальнейшем удалось обеспечить российскую государственность устойчивыми процедурами политической легитимации посредством выборов³ и легитимации моральной с помощью опросов общественного мнения.

³ Политический кризис зимы 2011–2012 гг. следует рассматривать не столько как попытку «революции через выборы» (так называемая цветная революция), но как в первую очередь симптом окончательной институционализации «выборов» как таковых в массовом сознании.

Моральная легитимация существующего общественного порядка предполагает у сообщества в целом наличие некоей оценивающей инстанции. Персонификация этой инстанции — универсалия «совесть» — отсылает к «церкви» как институту трансполитической интеграции сообщества. Но сама церковь, в свою очередь, подтверждает и закрепляет ценность того, что обозначается понятием «духовность» и что предполагает наличие индивидуального воплощения духовности в виде «совести». А навыки оценивания справедливого либо несправедливого с помощью инстанции «совесть» индивид получает лишь в первичном «естественном» сообществе — в семье.

«Семья» как базовая универсалия также содержит институционально-ценностные аспекты. Возникая и эволюционируя, как наиболее эффективная практика выживания любого сообщества, семья как институт неизбежно приобретает статус ценности. В ней находят свою корреляцию «государство» и «церковь», и она сама обеспечивает эти институты такими ценностными атрибутами, как справедливость и совесть. И более того, именно институционализированная ценность семьи открывает возможность для утверждения расширенной семьи — «народа» как заключительной ценностной универсалии.

Институциональное структурирование ценностных ориентиров морально-волевой сферы нации позволяет понять и адекватно оценить посткрымскую ситуацию и связанные с ней экономические перспективы России. Прежде всего — дезавуировать устойчивый миф о том, что драйвером внешнеполитической доктрины президента Владимира Путина является исконный российский имперский экспансионизм. На самом деле определяющими факторами решений по Крыму и Севастополю, радикально изменившими геополитическое и геоэкономическое позиционирование России, оказались именно факторы ценностно-институциональные.

Институционализированная ценность «народа» как расширенной «семьи» — инстанции «совести», закрепляемой в церковно-веровательных практиках, выразилась в трансграничной проекции «русского мира», связанного единством языка, культуры и сакральной ценности таких православных святынь, как Корсунь⁴. Именно поэтому в момент, когда в ре-

⁴ В ежегодном послании Федеральному собранию РФ 4 декабря 2013 г. президент Владимир Путин специально подчеркнул: «Для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам и иудаизм. И именно так мы будем к этому относиться отныне и навсегда».

зультате государственного переворота в Киеве возникла реальная угроза жителям Крыма, Севастополя и юго-востока Украины, морально-волевая сфера России отреагировала чувствами, соответственно, «солидарности» и «сострадания», которые и оформились как проекции государственной политики⁵.

В этом отношении стоит напомнить результаты беспрецедентного по масштабам телефонного мегаопроса российского общественного мнения по Крыму, проведенного 14–16 марта ВЦИОМ и ФОМ. Из опрошенных 48 590 респондентов на вопрос: «Россия должна или не должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму?», ответ «да, должна» дали 94%. На уточненный вопрос, включающий оговорку — «даже если это усложнит отношения с другими странами», положительно ответили 83%.

В отношении этих цифр важно еще и то, что сами россияне в большинстве своем относятся с доверием к результатам опросов. Так, на вопрос, заданный ФОМ 6 июля 2015 г.: «Как вы считаете, результаты опросов населения обычно отражают или не отражают реальные мнения людей по тем или иным вопросам?», положительно ответили 61% респондентов. Смысл этих цифр в том, что большинство россиян рассматривают общественное мнение как реально сложившийся институт, посредством которого они получают знание о самих себе и, что особенно важно, могут свободно выражать свою точку зрения по любым общественно значимым вопросам.

Если это так, то абсолютно несостоятельной следует признать версию, согласно которой с 2014 г. в России якобы начал действовать новый «социальный контракт»: вместо прежнего «колбаса в обмен на свободу» — «Крым и духовные скрепы в обмен на свободу»⁶. Скорее в терминах этого дискурса можно говорить о контракте «Крым и духовные скрепы в обмен на колбасу». Но и в этом случае необходимы серьезные оговорки.

Во-первых, по самому существу институционализированных ценностей нужно признать, что они и образуют сферу социально санкциони-

⁵ Этот факт наглядно опровергает утверждение о том, что якобы россияне (в отличие от обитателей «западных демократий») «постоянно прибегают к агрессивному поведению для извлечения политической ренты в целях личного обогащения и практически никогда не прибегают к агрессии для того, чтобы защитить свои права и свою свободу, равно как и права и свободу других людей» (*Линецкий А.И.* Латентные институты: стихийная стандартизация поведения и ее политическое значение // Полис. 2014. № 6. С. 179).

⁶ *Колесников А.* Российская идеология после Крыма. Пределы эффективности и мобилизации. М.: Московский Центр Карнеги, 2015. С. 27.

рованной индивидуальной свободы. Человек, живущий в пространстве справедливости/государства, признающий наличие в себе инстанции суждения о справедливом/несправедливом — совести, и связывающий эту инстанцию с институтами церкви и(или) семьи, по праву может считать себя свободным соучастником своего «народа»/Родины. Одобряя ту или иную государственную политику, такой человек в частности и народ в целом, вовсе не обменивает свою «свободу» на те или иные материальные или идеологические «заменители», предлагаемые властью. Наоборот, власть в принципе может что-то предлагать лишь потому, что способна учитывать мнение большинства и опираться на него в проведении той или иной конкретной политики.

Поэтому, во-вторых, принимая решение по Крыму и Севастополю, власть не ставила россиян перед ложным выбором «материальное благополучие versus духовные ценности». Хотя работа с такого рода «нестяжательскими» культурными кодами в российском ментальном контексте сама по себе не исключена. Речь шла о другом — об окончательно закрепляемом за Россией праве на свободное — самостоятельное и суверенное — решение в тех ситуациях, когда на кону не только *национальные интересы*, но и *национальные ценности*.

По существу мы должны говорить о решении по Крыму как об окончательном освобождении от эффекта «постсоветской колеи», в которую Россия попала как страна-лузер, проигравшая Западу в холодной войне. И это освобождение может и должно иметь не только геостратегические, но и геоэкономические последствия. А именно: интенсивную перестройку российской экономики при одновременном развитии структур Евроазиатского экономического союза и углублении взаимовыгодного партнерства в рамках БРИКС⁷.

И как раз на этом направлении вопрос о необходимости «политической либерализации» должен быть переформулирован в вопрос о том, необходим ли для России вообще идеологический фрейм и если да, то какой? Ответ может быть только один — углубленное сотрудничество России с экономическими «центрами влияния» в Латинской Америке, Африке и Азии возможно при максимально уважительном отношении

⁷ Кстати, в цитированном ранее опросе Левада-Центра был и такой вопрос: «Что, на ваш взгляд, следует делать руководству России в условиях, когда страны Запада ввели жесткие экономические санкции против России в связи с политикой правительства России в отношении Крыма и Украины?» Ответ, набравший 42% (1-е место) таков: «Укреплять экономические и военные связи со странами Ближнего Востока, Китая и Индии».

к традиционным институтам и ценностям партнеров. А это означает, что наметившийся внутрироссийский идеологический «консервативный поворот» может обеспечить наиболее благоприятные условия для стратегического сотрудничества России с глобальными «локомотивами» экономического роста.

Прагматический язык национальных интересов и взаимных экономических выгод может стать эффективным инструментом нашего партнерства с глобальным Югом при признании того, что справедливость, совесть, семья и Родина — это наши общие ценностные универсалии.

Импортозамещение как инструмент экономического развития: возможности и ограничения

Устойчивая тенденция последних 20 лет — интеграция российской экономики в экономику глобальную. В этих условиях бизнес был нацелен на взаимодействие с зарубежными партнерами в технологическом и финансово-экономическом плане, а также путем привлечения иностранных инвестиций в промышленность. Достаточно активно формировались интегрированные бизнес-группы, способствующие повышению жизнеспособности отдельных производств и отраслей в целом¹. Это актуализировало проблему совершенствования стратегий развития компаний с целью повышения конкурентоспособности и укрепления рыночных позиций. В этом смысле «интеграция является институционально подготовленным системным процессом»², связанным с выходом компаний на международные биржи, созданием публичных компаний, приобретением зарубежных активов и т.д. В пользу интеграционных взаимодействий были и дополнительные аргументы: увеличение рыночной власти предпринимателей, нейтрализация рыночной власти поставщиков и потребителей, получение синергетического эффекта за счет уменьшения издержек, выработка новых конкурентных преимуществ, создание «зоны стабильности» со сниженным риском в конкурентном окружении. В результате российская экономика достаточно сильно интегрировалась в мировую по многим направлениям.

¹ Пумпянский Д.А. Развитие институционального контура корпораций в условиях глобализации // Интеграция в мировую экономику в контексте экономической культуры: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ч. 1. Екатеринбург: УГТУ—УПИ, 2008. С. 145–151.

² Подробнее по этому вопросу см.: Пумпянский Д.А. Развитие конкурентных преимуществ корпоративных структур: теория, методология, практика. М.: Экономика, 2005. 374 с.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru